

М.В. Шкаровский

**ПАСТОР КУРТ МУСС
И ОБЩИНА РУССКИХ ЛЮТЕРАН
В ПЕТРОГРАДЕ (ЛЕНИНГРАДЕ)**

Биография и вся самоотверженная пасторская деятельность Курта Мусса была связана с окормлением общины русских лютеран в «северной столице» России. Возникла эта община в 1922—1923 гг., уже после Октябрьской революции. Несмотря на начинавшиеся антирелигиозные гонения, в это время перестал действовать ряд прежних запретов царских властей, и в результате давнее стремление русских лютеран создать свою общину было реализовано. Ее фактическое возникновение произошло 31 октября 1922 г. — в день празднования юбилея реформации. Первое же богослужение состоялось 19 ноября в немецкой церкви св. Петра на Невском пр.

Однако создаваемая община хотела иметь свой собственный храм. В осуществлении этих планов очень помог главный пастор Петрикирхе Вильгельм Эдуард Михаэль Ферман, с 1921 г. также служивший в Голландской реформаторской церкви на Невском пр. К 1923 г. почти все голландцы покинули Петроград, огромное здание храма пустовало, и благодаря Э. Ферману новая община смогла получить помещение в свое пользование. Причем эта передача произошла не без сопротивления еще существовавшего голландского церковного совета.

30 августа 1923 г. отдел управления Петроградского губисполкома дал разрешение на проведение официального учредительного собрания «Русской общины христиан евангелическо-лютеранского и реформаторского вероисповеданий» в зале заседаний при Голландской церкви. На состоявшемся 6 сентября собрании присутствовало 45 членов-учредителей, председателем заседания избрали Э.Э. Готша, секретарем — Н.В. Ригке, но главный доклад делал заведующий гомео-

патической аптекой на Невском пр. Альфред Сцитник. Собравшиеся приняли устав общины, ее наименование и выразили благодарность создателям и учредителям прихода. Некоторые верующие предлагали назвать общину именем св. Апостола Павла, но большинство высказалось за «наименование именем Иисуса Христа»¹.

В уставе общины говорилось, что она создана для объединения всех лиц лютеранского и реформаторского вероисповеданий в Петрограде и окрестностях, владеющих преимущественно русским языком. Все обряды и собрания должны устраиваться на русском. Согласно уставу общине разрешалось: открывать библейские курсы для подготовки своих духовных проповедников по программе, установленной Евангелическо-Лютеранской Церковью (ЕЛЦ); издавать периодический духовный журнал; печатать гимны, листки для пения, книги и руководства по вопросам своего вероучения; участвовать в съездах родственных религиозных общин; строить и нанимать частные помещения; приглашать для совершения религиозных обрядов пасторов, проповедников, миссионеров, кистеров и прочих лиц, имевших надлежащую квалификацию, согласно правилам ЕЛЦ.

Подчеркивалось, что «община чужда всякой политике. При всех проповедях, речах и собеседованиях ни в коем случае не допускается затрагивание политических тем». Решением общего собрания по письменному заявлению членом общины мог быть зачислен любой гражданин лютеранского и реформаторского вероисповедания, достигший конфирмационного возраста. Необходимые средства собирались путем добровольных пожертвований. Руководящими органами являлись церковный совет из семи человек, президиум из четырех — председателя, заместителя, секретаря и казначея, а также ревизионная комиссия. Общее собрание прихожан должно было проводиться четыре раза в год, председателем же выбрали А.А. Сцитника. Устав далеко не во всем соответствовал советским законам, и все же 15 октября 1923 г. его зарегистрировали в отделе управления губисполкома².

Одной из первых проблем, с которой столкнулась новая община, было отсутствие собственного священника. Поэтому ей пришлось по очереди приглашать четверых петроградских пасторов, знавших русский язык: Вильгельма Фермана, Арнольда Фришфельда, Пауля Рейхерта и Гельмута Ганзена.

Между тем еще во время зарождения планов создания общины, в 1922 г., у верующих был свой кандидат в священники — Курт Алек-

сандрович Мусс. Он родился в 1896 г. в Петербурге, окончил лютеранскую школу св. Анны и свободно говорил как по-немецки, так и по-русски. С ноября 1916 по январь 1918 гг. К. Мусс изучал теологию в Юрьевском (Дерптском) университете, затем из-за войны и революции ему пришлось вернуться в Петроград. В дальнейшем он был принят на теологический факультет Лейпцигского университета, но не смог выехать из РСФСР. Желая продолжить образование, Курт 28 марта 1920 г. подал заявление о приеме в православный Петроградский Богословский институт: «Хотя я не православного вероисповедания, все-таки прошу дать мне возможность посещать лекции, хотя бы в качестве вольнослушателя, так как я не претендую по окончании курса на какую-нибудь духовную должность, а исполнен желанием продолжать начатые в Юрьеве занятия и искренне рад изучить предмет в ином освещении»³.

31 марта К. Мусс был зачислен вольнослушателем и проучился в институте два семестра⁴. В 1922 г. епископ Конрад Фрейфельд уже намечал рукоположить его в сан пастора, но помешали трагические события, связанные с голодом в Поволжье и репрессиями властей.

Летом 1922 г. Курт Мусс работал секретарем руководителя Национального Лютеранского Совета в Америке профессора Д. Мореада и по его заданию объехал немецкие колонии на юге России, составив доклад об их экономическом положении. В результате активная деятельность молодого человека привлекла внимание ГПУ, с октября за ним было установлено наблюдение, проводилась перлюстрация писем и т.п. Наконец, 23 декабря 1922 г. К. Мусс был арестован по обвинению в шпионаже и заключен в Бутырскую тюрьму, а 13 апреля 1923 г. приговорен Комиссией НКВД по административным высылкам к трем годам лагерей. В знак протеста против абсурдных обвинений в шпионаже 28 апреля Курт объявил «смертельную голодовку», продолжавшуюся 11 дней. В конце концов, он все же был отправлен в Соловецкий лагерь, но в июле 1924 г. досрочно освобожден и выслан в Ярославскую губернию⁵.

В ожидании возвращения К. Мусса русская община около трех лет — до осени 1926 г. — приглашала временных пасторов. Большой утратой для нее стала смерть В. Фермана в апреле 1924 г., вместо которого с декабря четвертым священником был приглашен Октав Симон. Согласно отчетному докладу председателя на общем собрании 18 февраля 1925 г., в 1924 г. было проведено 70 богослужений по воскресным и праздничным дням, 46 бесед, 32 братские общения с чтением биб-

лейских историй, 6 крещений, 10 конфирмаций и т.д. Еженедельные библейские беседы в это время вел пастор А. Фришфельд из церкви св. Екатерины, в октябре их перенесли с пятницы на вторник. Также в октябре 1924 г. общине был передан по ее ходатайству в райсовет инвентарь из закрытой церкви при Евангелическом госпитале (больнице им. Воскова) на Лиговском пр., 4⁶.

Прихожане организовали любительский хор, в августе 1924 г. с помощью тарелочных сборов создали фонд на издание хоралов, а в июле путем отчисления 10 % от всех сборов — фонд выдачи пособий нуждающимся членам общины. Но финансовое положение оставалось сложным. За 1924 г. доход составлял 718 руб., а расход — 632 руб. Главные затраты были связаны с оплатой хозяйственных нужд и коммунальных услуг. При этом община помогала и существовавшему вместе с ней в здании голландскому церковному совету. Например, в июне 1924 г. она оплатила задолженность последнего за электричество, потребленное в 1922 г. А 25 октября 1924 г. приходской совет принял решение дважды в год устраивать тарелочные сборы на содержание Богословского института, в это же время проводился ремонт органа и т.д. В результате с целью покрытия расходов в декабре была установлена плата за требы, совершаемые в церкви общины. В 1925 г. доходы выросли до 1676 руб., а затраты до 1519, в том числе 31 руб. был внесен в фонд издания хоралов⁷.

Несмотря на трудности, община постоянно росла численно. За сентябрь 1923 — апрель 1925 гг. количество ее официально зарегистрированных органами власти совершеннолетних членов увеличилось с 45 до 80. Подавляющее большинство из них изначально были лютеранами, но в общину вступали и представители реформаторского вероисповедания (таких числилось четыре человека), а также бывшие православные. В условиях обновленческой смуты и раскола Русской Православной Церкви на несколько враждующих течений некоторые из представителей ее паствы переходили в лютеранство.

Характерный пример приводит в книге своих воспоминаний известный православный историк А. Краснов-Левитин. Его двоюродный брат В.Г. Романов в 17 лет перешел в лютеранство, затем поступил на Ленинградские библейские курсы, готовясь стать пастором: «В 1927 г., однако, произошел грандиозный скандал. Призванный в армию, он отказался от военной службы, мотивируя это религиозными убеждениями, хотя евангелическо-лютеранская церковь признает военную службу. Лютеранский епископ, перепуганный ослож-

нениями с советской властью, тут же его исключил из института. Суд, впрочем, оказался довольно либеральным. Присудили Володю к штрафу и принудительным работам. А военный комиссар резюмировал кратко: “Зачем нам в армии такая сволочь?”». Согласно архивным документам В. Романов действительно 23 сентября 1924 г. был принят в русскую общину Иисуса Христа и в дальнейшем играл в ней активную роль. Скончался он в 1943 г. от тяжелых ранений, полученных на фронте⁸.

2 октября 1924 г. церковный совет общины принял предложение епископа А. Мальмгрена присоединиться к «Союзу евангелическо-лютеранских приходов» и выбрал четырех делегатов для участия в областном съезде, 28 февраля 1926 г. совет избрал трех делегатов на Синодальный съезд лютеранских приходов. В это время вся прежняя деятельность общины продолжалась, лишь с мая 1925 г. еженедельные собрания братского общения были заменены ежемесячными. Церковный зал, имевший около 350 мест, по свидетельству очевидцев был особенно полон по праздникам, порой он даже не мог вместить всех желающих. Однако летом 1926 г. Голландская церковь оказалась закрыта, а ее здание 8 февраля 1927 г. передали кукольному театру⁹.

Изгнанную общину временно приютили в церкви св. Петра. Ее пастор Гельмут Газен уделял большое внимание занятиям с детьми Законом Божиим. В приходе уже существовали группы, где такие занятия проводились по-немецки, теперь же появились русские дети, не знавшие немецкого языка, и вскоре по предложению пастора для них были созданы две специальные группы. Одну из них возглавила дочь помещика, конторщица городского отдела коммунального хозяйства Виктория Селезнева, а другую — бывший сержант Армии Спасения Мария Вейсберг. Осенью 1926 г. в обеих русских группах состояло 12 детей¹⁰.

С этого времени жизнь общины Иисуса Христа начала ощутимо меняться, у нее, наконец, появился собственный пастор. В июне 1926 г. по ходатайству известного революционера-народовольца Николая Морозова Курту Муссу было разрешено свободное проживание, и он вернулся в Ленинград. После сдачи экзамена на Евангелическо-лютеранских библейских курсах Мусс получил право вступить в должность пастора. С 16 сентября он официально стал служить помощником пастора в церкви св. Петра и вскоре возглавил русскую общину, значительно активизировав ее деятельность. Ординирование Мусса произошло 27 марта 1927 г.

Позднее, 19 декабря 1929 г., уже арестованный пастор на допросе сказал: «По возвращению из ссылки я был принят пастором Ганзенем до посвящения в Петропавловскую церковь для проповедования. <...> После моего посвящения в пасторы мне были поручены богослужения на русском языке. Вместе с этим я расширил и вновь организовал впоследствии кружки детей. В общей сложности к последнему времени, т.е. к моменту моего ареста, существовало 15 кружков, из них 5 ремесленных и 10 по Закону Божьему. Кружки разбивались по возрасту. В один кружок входило 7–10 чел. К каждому кружку был прикреплен руководитель». Это же отмечали на допросах и другие члены общины Иисуса Христа, например В. Селезнева: «Широкий рост детских богослужебных групп начался приблизительно в 1927 г., когда в русской группе начал руководить пастор Мусс»¹¹.

В 1927 г. община Иисуса Христа перешла из Петрикирхе в финскую церковь св. Марии, но могла там совершать богослужения только в вечерние часы. Попытки получить в свое пользование Немецкий реформаторский храм не увенчались успехом. Наконец, весной 1929 г. община получила в свое единоличное пользование большую церковь св. Михаила на Васильевском острове. К этому времени русский приход стал заметным явлением в религиозной жизни огромного города. Он вырос в несколько раз за счет лютеран и православных. Так, в детских кружках общины занималось примерно столько же учащихся — около 100, сколько и в крупнейшем лютеранском приходе св. Петра (во всех других церквях, как правило, имелись лишь одна-две группы из нескольких детей)¹².

Близко знавший К. Мусса будущий православный архиепископ Михаил (Мудьюгин) позднее вспоминал: «Особый интерес представляет жизнь русской общины. Ее активность и разносторонний характер деятельности объясняются в некоторой степени ее русскоязычностью. Все, что в церкви произносилось в чтении, пении и проповеди, было доступно для каждого, даже случайного посетителя. Но особую популярность богослужениям, совершавшимся именно в этой общине, придавала выдающаяся личность пастора Курта Александровича Мусса. Сравнительно молодой (ему было в те годы не более 35 лет), он, энергичный организатор, прекрасно владел русским языком, чего нельзя сказать ни об одном из его собратьев, служивших в то время. Он был блестящим проповедником, сочетавшим глубину и актуальность содержания проповеди с мастерским ее изложением. Курт Мусс мастерски владел ораторскими приемами, но применял их в сочета-

нии с глубокой искренностью. Его проповедь обладала неотразимой силой убеждения, которую придает речи лишь глубокая личная убежденность в истине провозглашаемого и излагаемого Христова учения»¹³.

О выдающихся качествах К. Мусса как организатора и проповедника единогласно свидетельствовали все знавшие его люди. Например, одна из прихожанок церкви св. Петра Д. Зексель в начале 1990-х годов писала: «Он владел несколькими иностранными языками и был одарен ораторскими способностями, которые проявлялись в его проповедях в Петрикирхе, где он отправлял службы как на русском, так и на немецком языках, владея ими в совершенстве»¹⁴.

Особенное внимание уделял К. Мусс работе с молодежью и детьми, справедливо считая, что в условиях атеистического общества именно воспитание молодого поколения верующих позволит Церкви выстоять и выжить. На допросе 3 января 1930 г. пастор отметил: «С выходом закона о запрещении специальных богослужений для детей были устроены богослужения для всех прихожан, но чтобы дети могли принимать участие в этих богослужениях, работа с ними по объяснению богослужений была перенесена в кружки на дому. <...> С моим приходом в Петропавловскую церковь (т.е. Петрикирхе) количество руководителей постепенно, по мере увеличения количества детей, возрастало, и к последнему времени насчитывалось 11 человек». Действительно по материалам следствия таких руководителей кружков по изучению Закона Божия в 1929 г. было уже одиннадцать: В.О. Селезнева возглавляла группу из одиннадцати детей, Д.А. Шрейбер — из девяти, М.М. Вейсберг — из восьми, Б.В. Косетти, М. Мудьюгин, В.Э. Керман, Г. Реддер и М.Е. Юргенс — из шести, а И.Г. Прельберг, Е.Н. Карцева и М.К. Бирк — из пяти. Таким образом, в этих группах в общей сложности обучалось 73 ребенка¹⁵.

Перед каждой службой с участием детей, т.е. еженедельно, руководители групп собирались на квартире у пастора, где им прочитывался намеченный для богослужения текст священного писания и давались необходимые разъяснения. Жена Курта — Елена Мусс-Чернышева — на специальных регистрационных карточках вела учет посещений детьми занятий в кружках и богослужений. Некоторые руководители групп сами в 1927—1929 гг. прошли конфирмацию у К. Мусса и затем стали передавать свои знания новому поколению прихожан.

Помимо кружков по изучению Закона Божия в русской общине имелась еще одна детская организация — «Пчелки», аналогичной ко-

торой не было в других лютеранских приходах. Ее назначение состояло в том, чтобы научить детей быть трудолюбивыми и трудоспособными, уметь выполнять порой горькую и тяжелую работу по собиранию «божественного меда». По словам брата пастора — владельца граверной мастерской Конрада Мусса, «Пчелки» — это «наименование детского труда, а именно дети прихожан занимались <...> рукоделием, вообще ручным трудом под наблюдением кого-либо из молодежи и прихожан».

Организация состояла из пяти ремесленных групп, вместе включавших в 1929 г. 33 ребенка: чертежной во главе с племянником лютеранского епископа Теофила Мейера Г.Г. Гольде, столярной, руководимой бывшим земским начальником А.А. Чаплыгиным, цветочной, возглавляемой И. Иогансон, кройки и шитья, имевшей четырех руководителей — Э.А. Голубовскую, А. Дуван, Т.Н. Косетти, З.Г. Петрову, и группы изящного рукоделия и вышивания во главе с И.К. Монаховой¹⁶.

Занятия в этих кружках проводились один раз в неделю, начинались и заканчивались они пением специального гимна «Пчелок», написанного самим К. Муссом: «Во имя Господа Христа свершаем мы долг труда, надежды и любви и верными ему быть обещаем, ему, за нас умершему в крови. Мы ратуем за то, чтобы страдания и слезы прекратились на земле, чтобы исполнились обетования союза об общей всем людям семье, чтоб люди меж собой не враждовали, чтоб сильный слабого не угнетал и чтобы все единым стадом стали, и брату брат в несчастье помогал. Высоко держим мы святое знамя, да сохранит твоя десница нас, Христос, ты обещал всегда быть с нами, пошли же помощь нам в тяжелый час».

Большая часть детей знала гимн наизусть. Для закупки необходимого материала весной 1929 г. была устроена лотерея, где разыгрывались изготовленные детьми предметы (всего 200 билетов по 30 коп.). Некоторые руководители ремесленных групп получали ежемесячную зарплату в 6–10 руб. (средства поступали от продажи детских изделий или пожертвований родителей). Ирина Прельберг напечатала 30 экз. земпларов гимна, кроме того, она регулярно перепечатывала К. Муссу тексты предстоящих богослужений в количестве 100 экз.¹⁷

Но детскими кружками работа с молодежью не ограничивалась, она проводилась в различных формах в соответствии с этапами физического и духовного роста молодых людей. Об этом хорошо написал в упоминавшейся статье архиепископ Михаил: «Если первой ступе-

ню были “детские” богослужения, то на следующую мальчик или девочка вступали, включаясь в группу подготовки к конфирмации, где все занятия проводил сам пастор. <...> Наконец, пройдя конфирмацию, новые члены общины (конфирманты) по желанию могли посещать так называемые “Библейские занятия”, где поощрялись выступления с рефератами на избранную тему, дискуссии, совместное чтение и обсуждение Священного Писания. Занимавшиеся в этих группах, особенно конфирманты, общались друг с другом не только во время учебных занятий. В летнее время устраивались экскурсии в живописные пригороды Ленинграда, в более холодное время собирались в доме у кого-либо из молодых людей. Как правило, время проводили главным образом в веселых коллективных играх полудетского, а иногда совершенно детского характера. Взрослые, и особенно сам пастор Мусс, принимали в них самое живое участие.

Немного времени уделялось общей молитве, пению разученных в процессе занятий хоралов и, конечно, угощению. Последнее предполагалось обычно хозяевами дома, но нередко, особенно при “вылазках” за город, составлялось из закусок, взятых из дома всеми участниками мероприятия. Сам Курт Александрович пользовался неограниченным доверием и любовью своих учеников, многие из которых смотрели на него как на воспитателя, обладавшего неоспоримым и безусловным авторитетом»¹⁸.

Брат пастора — Конрад Мусс — изготовил более 20 значков с буквами «В.Д.Г.Е.» — «Верен до гроба ему (Христу)», которые вручались после причастия конфирмантам (только 6 мая 1929 г. в церкви св. Михаила конфирмацию прошли 23 девушки и 12 юношей). Еще раньше Конрад сделал 30 значков по заказу главного пастора Петрикирхе.

Г. Ганзен и К. Мусс были связаны личной дружбой, они сблизились еще во время совместной учебы в Юрьевском университете. Вплоть до декабря 1929 г. Курт помогал Ганзену в церкви св. Петра, а тот в свою очередь иногда проповедовал в русской общине, подменяя при случае Мусса. Их объединяла не только совместная деятельность, но и общность взглядов, стремление противостоять акциям безбожников. Так, в изъятom при аресте агентами ОГПУ письме Ганзена к Муссу говорилось: «Сей новый (1930) год в жизни, вероятно, будет одним тяжелым годом борьбы. Все вперед! Буря предоставит тебе силы, но постоянная борьба утомляет человека, и поэтому выражаю свое специальное пожелание ко дню твоего рождения. Год дальнейшей борьбы и войны до конца»¹⁹.

С 1926 г. Ганзен переписывался с Лейпцигским книготорговцем и выписывал религиозные книги не только себе, но и по просьбе ее двадцатки — русской общины. Одним из ярких примеров совместной деятельности двух пасторов являлось каникулярное убежище (Феринхайм) в пригороде Ленинграда Стрельне. Ежегодно весной и летом в специальном здании там проживало от 20 до 25 детей бедных прихожан в возрасте от 7 до 16 лет. Эти дети делились на две группы — немецкого прихода Петрикирхе и русской общины Иисуса Христа. С ними занимались три воспитателя — учащиеся Ленинградских библейских курсов О. Тумм, П.В. Михайлов, а также активный член русской общины Дагмара Шрейбер, преподававшие арифметику, немецкий и русский языки. Дети пели церковные гимны и читали перед сном общую молитву. Часто в Стрельну приезжали Курт Мусс и его сестра Луиза²⁰.

Прошедшая конфирмацию молодежь, как правило, сохраняла тесную связь с русским приходом. По воспоминаниям архиепископа Михаила, она выполняла почти всю работу «по поддержанию общины, по выполнению требований, предъявляемых местными властями к содержанию в чистоте и порядке храма и прилегающей территории. В зимнее время жители ближайших к храму св. Михаила улиц могли видеть группу молодежи, занимавшуюся после снегопада уборкой и вывозом снега с участка, прилегающего к церковным стенам. Снег вывозили на лед Невы довольно далеко, почти к Тучкову мосту. Молодежь также убирала и чистила помещения храма, обслуживала орган (подавали воздух в органные трубы при помощи педальных поршней с ножным приводом: электропривод в церкви св. Михаила отсутствовал). Молодые люди расставляли по стенам храма номерные указатели песнопений, намеченных пастором для общего пения на богослужении²¹.

Особо следует отметить, что К. Мусс активно привлекал к своей работе с молодежью и детьми представителей других конфессий, прежде всего православных. Сам Михаил Мудьюгин однажды случайно зашел в финскую церковь св. Марии, услышал проповедь Мусса, заинтересовался и стал посещать его богослужения. В итоге в октябре 1929 г. он прошел конфирмацию (правда, скрыв это от своей православной матери) и вскоре возглавил один из детских кружков. Столярной группой руководил православный верующий А.А. Чаплыгин, швейной — методистка А. Дуван. Богослужения в церкви св. Михаила или библейские беседы по средам посещали К. Булатова, Л. Возне-

сенская, Родзянко и многие другие православные. Одна из арестованных по делу К. Мусса — Е.Л. Шукина-Бодарец — на допросе 24 января 1930 г. показала, что он приглашал ее участвовать в группе обучения Закону Божию, говоря, «что мое православное вероисповедание не может служить препятствием»²².

Многих людей привлекали яркие, отражавшие важнейшие события в стране проповеди пастора. Та же Шукина-Бодарец отмечала: «Я больше заинтересовалась личностью Мусса, чем Ганзена, так как Ганзен человек не особенно выдающийся, а Мусс — большой талант». Она рассказала следствию о своих длительных богословских беседах с Куртом и привела некоторые цитаты из его проповедей: «Революция разделила людей на два класса, и каждый должен принадлежать к какому-нибудь из них, так как те люди, которые не примкнули никуда и остались нейтральными, все равно будут раздавлены революцией. Конфирманты-верующие должны бороться за свои идеалы, и так как с нами Бог — мы победим. <...> Теперь люди живут или прошлым, или будущим, есть такие, которые живут пятилетками, десятилетками, а между тем интересно жить настоящим. Часы Божьи не остановились, а продолжают идти. Мы проходим, видим, как оскверняют храмы, и в страхе слышим разговор о том, что через пять лет вовсе не будет храмов, но напрасно. Все эти гонения укрепляют сердца в вере, и вместо разрушенных храмов Бог создает себе храмы в сердцах людей»²³.

Вскоре после принятия «Закона о религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., категорически запрещавшего религиозное образование и воспитание несовершеннолетних, начались массовые аресты руководителей детских групп, в первую очередь пасторов, возглавлявших религиозно-просветительскую деятельность. Как уже говорилось, в Ленинграде органы ОГПУ сфабриковали в конце 1929 г. крупномасштабное дело Ганзена — Мусса, по которому было привлечено 86 чел., причем 72 из них осудили. Значительную часть арестованных составляли члены русской общины Иисуса Христа, в том числе все 19 руководителей детских групп. Самого Курта Мусса, его жену Елену и сестру Луизу арестовали 17 декабря 1929 г. Пастора обвинили в том, что он «являлся активнейшим руководителем и вдохновителем организованной им контрреволюционной подпольной организации, обрабатывающей молодежь в шовинистическом антисоветском духе, систематически занимался агитацией, направленной против советской власти. Под его руководством члены организации преподавали

несовершеннолетним религиозные вероучения в организованных для этой цели подпольных кружках молодежи»²⁴.

К. Мусс отвергал эти надуманные обвинения. Он полагал, что существование небольших детских групп в 3—5 чел. вполне допустимо по советским законам (действительно, до 1929 г. подобная практика в Ленинграде открыто не преследовалась). На допросе 19 декабря пастор заявил: «Организованные мною кружки нелегальными не считаю, так как свободой вероисповеданий, имеющей место в СССР, допускается религиозное воспитание детей, а также не рассматриваю кружки как подпольную организацию, так как никакой конспирации не было, а велась запись детей, их посещения и непосещения, и списки хранились открыто у меня и были мною же переданы представителю власти при моем аресте».

Отрицал Мусс и обвинения в антисоветском характере своих проповедей. 24 января 1930 г. он написал по этому поводу специальную записку, в которой утверждал: «Будучи лютеранским проповедником, я и должен был в своих проповедях касаться жизни и всех выдвигаемых ею вопросов. Основной вопрос, который ставит современность пред верующими, — это вопрос безбожия, мимо которого, конечно, церковь как таковая не может пройти. О безбожии и исключительно о нем, а не о тех или иных распоряжениях власти, трактовали мои проповеди. <...> Разве союз безбожников — руководителей движения безбожников — есть правительственное учреждение? В стране советов и религия, и безбожие имеют одно наравне право существования. <...> Поэтому если охарактеризовать мои проповеди, то они носили характер антибезбожный, а не антиправительственный»²⁵.

Но для советской власти безбожие и религия не имели равных прав на существование, и пастор вместе с его прихожанами был признан виновным во всех предъявленных ему обвинениях. 17 сентября 1930 г. Тройка Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорила К. Мусса к 10 годам лагерей, а его жену, сестру и большинство руководителей кружков — В.О. Селезневу, Б.В. Косетти, А.А. Чаплыгина, Т.Н. Косетти, И.Г. Прельберг и других к 3 годам лагерей и 3 годам ссылки. Лишь несколько 17—18-летних подростков, в том числе Д. Шрейбер и М. Мудьюгин, «отделались» тремя годами ссылки условно. К. Мусс был вновь отправлен в Соловецкий лагерь, куда прибыл 6 октября 1930 г. Первоначально он содержался в 11 отделении (г. Кемь), а с 16 января 1932 г. — непосредственно на самих Соловецких островах²⁶.

Репрессии нанесли тяжелый удар, однако не прекратили существования общины. Всю первую половину 1930-х годов она продолжала оставаться в церкви св. Михаила, приглашая для службы священников различных ленинградских храмов, главным образом пастора Октава Симона из церкви свв. апостолов Петра и Павла в Стрельне. Традиции, заложенные К. Муссом, сохранялись. Конфирманты по-прежнему устраивали дружеские встречи, регулярно посещали богослужения и выполняли церковные обязанности.

В период массового закрытия храмов и репрессий это казалось необычным даже некоторым лютеранским пасторам. Так, латышский священник Юлий Залит на допросе в ОГПУ 3 февраля 1934 г. показал: «Молодые конфирманты обыкновенно после конфирмации расходятся и теряются, только редко кто посещает церковь. Исключение составляет молодежь в церкви св. Михаила на Васильевском острове, где службы на русском языке. Там все держатся вместе, руководимые органистом, на праздниках выступают хором, несут работу по обслуживанию церкви, сами вывозят снег и собирают деньги для уплаты, если нужно, извозчику. Церковь обслуживается переменным составом пасторов, ибо ждет возвращения своего осужденного пастора Мусса. Главные воротилы — Сцитник и Ванаг»²⁷.

Альфреда Адольфовича Сцитника в 1929–1930 гг. не арестовали из-за преклонного возраста, и он смог продолжить свою деятельность на посту председателя приходского совета. Органистом же в русской общине был Евгений Александрович Ганеке. По воспоминаниям архиепископа Михаила, он, наряду с Листом из церкви св. Петра, являлся одним из двух лучших органистов города.

Однако постепенно тучи над общиной сгущались. В июле 1933 г. был запрещен колокольный звон, а через несколько месяцев власти наметили снять и переплавить «на нужды индустриализации» единственный колокол весом 640 кг. К счастью, он уцелел и после войны в 1946 г. был передан православной церкви на Смоленском кладбище. 17 мая 1935 г. органы НКВД арестовали за передачу письма германскому консульству и получение из-за границы материальной помощи пастора О. Симона. Его приговорили к 6 годам лишения свободы, и церковь св. Михаила стали обслуживать латышский пастор Александр Мигле и священник Пауль Рейхерт из Петрикирке. Из года в год возрастал налоговый гнет. Чтобы несколько его смягчить, приходской совет разрешил пользоваться церковными помещениями общинам евангельских христиан и адвентистов 7-го дня,

взявшим на себя часть расходов. Но это был лишь временный выход²⁸.

1 августа 1935 г. президиум Леноблисполкома принял решение о закрытии церкви св. Михаила и передаче ее здания под библиотеку, но из-за сопротивления верующих, написавших жалобы в различные правительственные инстанции, богослужения в храме продолжались еще полмесяца. 15 августа председатель приходского совета А. Сцитник, не видя возможности уплатить налоги, был вынужден сдать ключи от церкви представителю районного совета. Заметно поредевшая от репрессий община прекратила существование²⁹.

Ее остатки перешли в Петрикирхе, где продолжали подвергаться репрессиям. Так, 2 ноября 1936 г. органы НКВД арестовали русского лютеранина К.П. Андреевского. 16 декабря на допросе у него добились показаний о том, что П. Рейхерт, А. Сцитник, Е. Ганеке и Шмидт входили в контрреволюционную группу, а в 1935 г. на квартире у Сцитника проходили нелегальные собрания лютеранской общины. На судебном заседании 7 июля 1937 г. Андреевский все обвинения категорически отрицал и утверждал, что показания написал под воздействием насилия, но Специальная коллегия Ленинградского областного суда все-таки приговорила его к 8 годам лагерей³⁰.

А. Сцитник, также перешедший в церковь св. Петра, был арестован 23 ноября 1937 г. по делу пастора П. Рейхерта. Его обвинили в ведении «активной контрреволюционной фашистско-шпионской работы» в составе нелегальной национал-социалистической группы при Петрикирхе. 2 января 1938 г. Особое совещание НКВД приговорило Альфреда Адольфовича к высшей мере наказания, и на следующий день его расстреляли на Левашовской пустоши. По этому же делу погибли и некоторые другие русские лютеране.

Не пережил 1937 г. и пастор Курт Мусс. В декабре 1935 г. его перевели с Соловецких островов в 14 отделение лагеря на материке в Май-Губу, а в начале 1936 г. — в лагерь близ пос. Оленье Мурманского округа. Там в августе 1937 г. его взяли под стражу и затем расстреляли³¹.

Церковь св. Михаила, к счастью, сохранилась. Правда, библиотека в ней так и не была устроена. Здание передали под спортивную заводскую базу, после войны интерьеры храма оказались полностью перестроены, и главный церковный зал, славившийся своей акустикой, был разделен перекрытиями на три этажа. В образованных таким образом помещениях разместился экспериментальный завод «Спорт».

Но память о Курте Муссе и традиции, заложенные им, не умерли. Уже в 1990-е годы целый ряд пожилых людей, прихожан лютеранских общин Петербурга, с любовью вспоминали о его уроках конфирмации, проповедях, библейских часах, о совместных экскурсиях и дружеских вечерах руководимых им групп молодежи. А в 1992 г. церковь св. Михаила была частично возвращена возрожденной русской лютеранской общине³². В храме регулярно проводятся богослужения, идет реставрация интерьеров. И не случайно в церкви висит фотография 1929 г., на которой К. Мусс снят вместе с конфирмантами.

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1001. Оп. 8. Д. 52, Л. 10–10 об.; Kahle W. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938. Leiden, 1974. S. 251.

2. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 52. Л. 2.

3. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2279. Оп. 1. Д. 29. Л. 50.

4. Там же. Д. 43, Л. 18, 19.

5. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Фонд архивно-следственных дел. Д. П–21685. Л. 3–14, 217.

6. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8. Д. 52. Л. 91–94.

7. Там же. Л. 102–116.

8. Там же. Л. 97; Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925–1941. Париж, 1977. С. 377–378.

9. ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 8, Д. 52. Л. 101, 161, 168; Kahle W. Geschichte... S. 252.

10. АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П–87890. Т. 3. Л. 77, 148.

11. Там же. Л. 11, 148.

12. Luther G. Herdaminke for Ingermanland. Helsingfors, 2000. S. 217; Шкаровский М., Бовкало А. Пастор Курт Мусс // Der Bote. 1996. № 314. С. 15.

13. Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Из воспоминаний о жизни ленинградских евангелическо-лютеранских общин перед их ликвидацией // Церковь Ингрии. 1993. № 3–4 (8). С. 18.

14. Зексель Д. Воспоминания о пасторе Курте Муссе // Уроки гнева и любви. Сборник воспоминаний о годах репрессий (20–80-е гг.). СПб., 1993. Вып. 5. С. 16.

15. АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П–87890. Т. 3. Л. 15.

16. Там же. Т. 2. Л. 329–335.

17. Там же. Т. 3. Л. 44.

18. Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Из воспоминаний... С. 19.

19. АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П–87890. Т. 2. Л. 609.
20. Там же. Т. 3. Л. 106.
21. Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Из воспоминаний... С. 19.
22. АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. П–87890. Т. 2. Л. 578.
23. Там же. Л. 208.
24. Там же. Л. 628.
25. Там же. Т. 3. Л. 12, 25.
26. Там же. Т. 2. Л. 636–640; Архив Научно-информационного центра «Мемориал» (С.-Петербург).
27. АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П–35162. Т. 1. Л. 55.
28. Там же. Д. П–80626; ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 2. Д. 3. Л. 210; Д. 4. Л. 93; Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Из воспоминаний... С. 18.
29. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 51. Л. 5.
30. АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П–32706. Т. 2. Л. 72.
31. Там же. Т. 1. Л. 146–148; Зексель Д. Воспоминания о пасторе... С. 17; Шкаровский М., Бовкало А. Пастор Курт Мусс... С. 15.
32. Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга (история и современность). СПб., 1994. С. 255.